

Надежда Губанова,

учитель.

Член Свободненского литобъединения с 2001 года. Публиковалась в местных и областных газетах и сборниках. Пишет стихи и прозу. В 2003 выпустила свой сборник.

Грешная

*Целовала тебя торопливо, поспешно,
И теперь я живу русской бабою грешной.
Так маняще дразнили друг друга уста,
Но душа непорочна и совесть чиста.*

*А осудит меня, кто душою смердящей
Не познал упоенья любви настоящей,
Кто не пил, не блудил, никого не любил,
А ведь ради любви и Адам согрешил.*

Луна-старушка

*Расплясались звёзды, как в хороводе девки,
Что поют весёлые песни да припевки.
А луна-старушка в золотистой шали
Смотрит, как вдовица, в грусти и печали.*

*Хочется ей тоже стать чуть-чуть моложе,
Сбросить во Вселенную с лика пыль веков.
Хочется ей тоже попросить: «Дай, Боже,
Вдоволь наплясаться с Ветром-стариком!»*

Багульник

*Амурские сопки ранней весной –
Великое чудо света,
Когда полыхнут под старой сосной
Кусты фиолетовым цветом.*

Багульник пахнет талой водой.
Но запах нежнее «Шанели»,
И, кажется, сопки над Зеей – рекой
Нарядные шапки надели.

Осенние бусы

Когда кричат печально гуси
И на крыле тепло уносят,
Я примеряю чудо-бусы,
Что на крыльце бросает осень.
На тонкой нитке паутины,
Что отливает серебром,
Как яхонт, ягода рябины,
Горит шиповник янтарём.
Кроваво-красная калина
Мерцает жарко, как рубины.
И свечек пламенем неярким
Пылают ягоды боярки.
Гласит народное поверье –
Оберегает ожерелье
От сглаза, порчи и напастей.
Дарите бусы – бабье счастье.

* * *

Кардиолог спросил,
Удивленья не скрыв.
Где я сердце своё
Быстро так утомила.
И ответила я,
Ничего не тая,
Что я совесть свою
Близко к сердцу носила.
Очень часто оно
Разрывалось на части,
А осколки его
Я дарила на счастье.
Отдавая тепло,
Я училась жить,
А иначе зачем
Мне учителем быть.

Саранка

Я из дома уйду
Завтра спозаранку,
В этот день на лугу
Зацветут саранки,
На лугу правит бал
Разноцвет амурский,
Королевою там
Лилия даурская.
Иван-чай кавалер
Вышел на полянку,
Лучше всех королев
Для него саранка.
Я на луг не шагну —
Бал боюсь нарушить.
На тропе постою,
Успокою душу.

* * *

Я молвой клеймённая,
Как от оспы пятнами.
Чувства потаённые
От людышек прятала.

Любопытство праздное
Для меня не ново,
Потому о важном
Не промолвлю слово.

В створки равнодушия
Заползу улиткою,
Раненую душу
Защитив улыбкою.

О петухах

Пригласили петуха на конгресс,
Обсуждали яйценоскость, привес.
Страусиное яйцо показали,
За наседками следить наказали.

*Возвратившись в курятник родной,
Делегат гневно тряс головой,
Обещал наградить он ту птицу,
Чье яйцо будет, как за границей.
Белобрысая кура кудахчет,
Что не может трудиться иначе:
— Зря ругаешь несущек безгрешных,
Перепелки несут еще меньше.
А другая цинично хохочет:
— За границей их страусы топчат!
Пригласите их к нам в кавалеры —
Яйца будут таких же размеров.*

Букашка

*Букашка как-то раз
/Не будем называть
Ее подвид и класс /
Случайно пива напилась.
То пиво в пробке оставалось,
А пробка под кустом валялась.
Она, от пива охмелев,
Конечно, сразу осмелеев,
Последний разум потеряла
И дебоширить в травах стала.
Забыты дети и семья,
Ругает матом Муравья
И, Паука назвав скотиной,
В клочки порвала паутину.
Грозилась обломать все ноги,
Коль станет поперек дороги.
Творила, в общем, все, что можно.
Забыв при этом осторожность.
Ее с завидным аппетитом
Съел Воробей с крылом подбитым.
Букашку пьяненькую съев,
Буянил тоже, словно лев.
Ту птичью пьянь поймала кошка
И, опьяневшая немножко,
С котами долго в кровь дралась,
Но, слава богу, проспалась.*

*Я рассказать хочу о том,
Что алкоголь тут не причём.
Все, что скрываем мы порой,
Наружу гонит дух хмельной.*

Разговор

*На лужайке у пенька
Сидели утром два зверька,
Серый заяц и ежонок
Разговор вели спросонок.
— Хорошо тебе, ты колкий,
Защищят тебя иголки.
Меня ноги выручают,
Если волки нападают.
— Да, — промолвил, щурясь, еж, —
Только вряд ли ты поймёшь.
Я живу, мечту тая,
Чтоб погладили меня.*

Кукушка и петух

В ту ночь, когда мелкий дождь шуршал по листьям берез, Кукушка остро почувствовала свое одиночество. Ей так захотелось прижаться к сильному крылу, поговорить о приятных мелочах: о подарках, о ресторанах, о театре. Она всегда была одна. Дроздиха, Соловыха и даже пустышка Воробыха сторонились ее, не желая принимать в свою компанию.

Утром кукушка поделилась обидой с Сорокой. Та участливо выслушала и с воодушевлением принялась стрекотать:

— Они — дуры, а ты у нас умница. Гнезда не вьешь, деток не растишь. За собой следишь. Вон какая красавица!

— Красавица-то, красавица. Да уж больно одиноко, — пожаловалась Кукушка.

— А ты кавалера заведи, — посоветовала всезнающая и понимающая бабыи заботы Сорока.

Кукушка смущалась:

— Где ж его найти, они ведь на тропинках не валяются?

— А нам которые по тропинкам валяются и не нужны. Может, к дятлу тебе пристроиться?

— Что ты, он такой однообразный. Задолбит своим стуком.

Сорока призадумалась, потом встрепенулась, заулыбалась:

— Ну, как же это я забыла! Есть у меня для тебя подходящий кавалер. Готовься, завтра полетим знакомиться.

Кукушка перышки почистила клювик припудрила — полетели. В курятник. В открытом для солнца загончике гуляли курицы. Они деловито гребли землю, кудахтали, обсуждая вчерашние сны. Тут же хлопотали вокруг цыплят Квочки. Мир и покой. А все благодаря неусыпному контролю чинного и важного Петуха. Едва кукушка увидела Петра Петровича, так сразу и поняла — это он, мужчина ее мечты! Красив, как Ален Делон. Оперенье играло всеми цветами радуги: синий, зеленый, черный, красный! Шпоры острые, как сабли. Галантен, благороден. Червячка нашел — зовет дам, угождает.

На слетевшую с забора гостью Петух посмотрел настороженно:

— Ко-ко-ко, кто? Ко-ко-ко, откуда?

— Я из ближнего Залесья, можно пожить у вас? Места много, не стесню.

Кукушка улыбалась, кокетливо поправляя прическу. Но Петух на красоте не проведешь.

— Яйца несете? — спросил он озабоченно.

— Одно снесла, — ответила соискательница петушиного крыла.

— Сегодня? — уточнил Петр Петрович.

— Да нет, два месяца назад, — продолжала мило улыбаться Кукушка.

Тут Петух нахмурился, он уже почувствовал что-то неладное.

— И где же оно?

— Вы не волнуйтесь. Я его хорошо пристроила. У Зябликов такая дружная семейка. Они его выкормят и вырастят, — говоря это, дамочка продолжала строить глазки.

Несчастная! Ну, откуда она могла знать, что для Петра Петровича в женщине главным было умение вырастить детей. Услышав, что эта фифочка пристроила свое единственное дитя в чужое гнездо, он разгневался. А Петухи во гневе страшные. Закричал, зашумел хранитель семейного очага, крылья распустил, шпорами сверкает, идет на гостью. А у той от страха ноженьки подкосились — ни шагнуть, не взлететь. Хорошо, Сорока вовремя её подхватила и помогла крылья унести.

Петр Петрович выстроил в ряд несушек, квочек и цыплят и прочел им лекцию о куриной чести и птичьем достоинстве.

А Кукушка на старой берёзе снова обдумывает, как бы ей захомутать выгодного жениха. Сорока же полетела в глубь леса узнать о благосостоянии Глухаря.

История одного Табурета

В тесной кухне городской квартиры между стеной и холодильником тосковал Табурет. Его засунули сюда подальше от чужих глаз. Изящные шкафчики модного гарнитура издевались над ним, называя «деревенщиной» и «тубуреткой». На деревенщину Табурет не обижался — так оно и было. А вот «тубуретка» его глубоко оскорбляло. Он всегда считал себя Табуретом.

По вечерам, когда все в квартире затихало, в кухню осторожно входил высокий худой старик. Он брал Табурет и садился у окна. Табурет не видел, что рассматривал старик с высоты шестого этажа, но он точно знал, о чем тот думает. Егор Ильич, как и Табурет, тосковал по родной деревне, по той, что осталась далеко-далеко, где грустили окна родного дома, где каждая тропинка за огородом ждала шаги хозяина.

* * *

Егор вернулся с войны лишь в ноябре сорок пятого. Война для него была долгой. В августе сорок второго Егору исполнилось восемнадцать, и он добровольцем пошел в военкомат. Наивный мальчик за эти годы стал настоящим солдатом. Он прошел через жестокие бои, до слез переживал гибель товарищней, узнал тихую радость привалов. Май и Победу встретил в Праге. И снился ему в эти дни один странный сон. Будто сидит он уже дома за столом и просит у мамки ложку, а та почему-то не откликается. Не знал солдат, что ни отца, ни матери у него уже нет. Родители — колхозники в марте поехали на санях через протоку за сеном и угодили в полынью. Егору никто об этом не написал. Когда прошел слух, что их полк отправляют на восток добивать самураев, Егор очень обрадовался. До родной Андреевки рукой подать. В первом же бою с японцами его сильно ранило осколками разорвавшейся рядом гранаты. Вот и задержался он в госпитале.

Родной дом встретил солдата угрюмыми темными окнами. Но в доме было протоплено, видно, тетка Мария, крестная Егора, следила за осиротевшей избой. Так началась новая мирная жизнь. Работы в колхозе много, да работников маловато: кто навсегда остался в чужой земле, кто раненый или больной. Пришлось Егору и пахарем быть, и кузнецом, и ветврача на ферме заменять. Так за день набегается, что от усталости засыпал прямо за столом. Стали к нему на огонек захаживать вдовушки, девки — вековухи в надежде окрутить видного парня. Да только сердце Егора уже занято. Сильно приглянулась ему Вера. Она после семилетки на молочной ферме учительницей была. Мимолетные взгляды, которыми они обменивались, давали Егору надежду на

взаимность. Да только боялся Егор ее отца.

Когда-то, еще до войны, дядька Степан и отец Егора были что-то вроде конкурентов. И Илья, и Степан слыши в округе умелыми столярами. Делали по просьбам односельчан нехитрую деревенскую мебель. И было между ними постоянное соперничество: кто поинтересней полочку изладит, стол соберет или даже входившие тогда в моду комоды. Мастера не испытывали друг к другу вражды, настороженно относились к похвалам заказчиков. Вот поэтому как-то робел Егор перед дядькой Степаном.

Чтобы расположить к себе отца Веры, решил Егор показать ему свое мастерство. Остались от отца в сараинке заготовки из дерева для мебели. Перебрал их Егор и стал мастерить табуретку. А вышел, по словам незадачливого мастера, табурет. Тяжелый, основательный, как у медведей из детской сказки. Вот с этим своим творением и пошел влюбленный свататься.

Дядька Степан встретил его с усмешкой (слухи по деревне распространяются со скоростью света), но молчал. Егор тоже молча поставил перед ним табуретку и ждал оценки. Хмыкнул старик, долго, пристально разглядывал изделие. Нашел пару изъянов, обрадовался этому. Потом посидел, попытался раскачаться — не вышло. Несспешно поднялся и пошел к занавеске у печки. За ней стояла едва живая от волнения дочь. Взял девку за руку, вывел на середину избы и сказал:

— Иди, Вера, замуж за Егора. У него кусок хлеба будет всегда.

На нешумной свадьбе жених сидел на своем табурете, а невеста на скамеечке, которую смастерили Степан. Легкая такая, почти ажурная, но прочная. Так и пошли по жизни рядом Егор с Верой и Табурет со Скамеекой.

Вскоре на Табурет стали ставить маленькую ванночку, в которой купали Вовку. На Табурете Егор писал по вечерам что-то в толстые тетрадки — он поступил учиться. Табурет всегда остро чувствовал настроение хозяина, жалел его. Часто Егор Ильичозвращался домой поздно, потому что выбрали односельчане его председателем колхоза. Выматывался он в полях так, что вечером порой засыпал с ложкой у рта. Но жизнь в деревне налаживалась. Дела в колхозе «Заря коммунизма» пошли в гору. Теперь уже никто не шутил, что их колхоз лучше было назвать «Закат коммунизма». Да и сама шуточка была опасна — деревня еще помнила, чем могли закончиться такие шутки.

Многое пришлось пережить молодому и горячему, жадному до работы председателю. И из партии грозились выгнать, и под арестом все же побывал. А он дома посидит на Табурете да и примет верное решение. Просто жил человек всегда по совести.

Отцовский Табурет полюбил и Вовка.

— Когда я, папка, на твоем табурете задачки решают, они мне легко поддаются, — ответственно заявлял сын.

И вырос Вовка большим математиком. В институт поступил, ученым стал. Табурет, как и родители, скучал без парнишки.

Потом как-то враз занедюжила Вера. Долго болела, по докторам возил ее Егор Ильич, да напрасно. Гроб с телом хозяйки поставили по деревенскому обычаю на Табурет и Скамеечку. Горько плакал Егор, стараясь скрыть свои слезы. А на крышке Табурета появились капли смолы и почему-то не высыхали и не застывали. После похорон Вовка с женой Еленой уехал в свой далекий Академгородок. Егор Ильич стал жить один, по-стариковски. Снова в избе поселились тишина и пустота, как тогда в ноябре сорок пятого. Вел Егор долгие тихие разговоры с Табуретом и Скамеечкой, как будто с Верой.

Вовка давно уже был Владимиром Егоровичем, профессором математики, известным человеком. Ему пророчили даже Нобелевскую премию. К отцу приезжал каждое лето и видел, что слабеет стариk. Невестка убеждала свекра переехать к ним:

— Вы тут одни, мало ли что может случиться. У нас вам будет хорошо.

Стариk не сомневался, что ему там действительно будет хорошо, но бросить избу не мог. Копошился в огороде, пас козу, сено косил и все норовил колхозу помочь. Соседки-пенсионерки за помощью к нему шли, как в былые годы. Знали, Ильич в любом деле поможет.

Однажды в марте не увидели соседи утром дым из трубы, прибежали, а Егор Ильич подняться не может.

Прощание с избой было тяжким. Материны вышивки, подзоры, полотенца расшитые собрала Елена. Фотографии Егор сам отбирал, грамоты Почетные тоже с собой взял. Посмотрел сын на стопку бесценных для отца бумаг, усмехнулся, но шутить над ними не посмел. В них, этих грамотах, совесть отцовская жила. Дом продавать не стали, передали в колхоз для какой-нибудь молодой семьи. Вот и вещи в машину отнесли, а стариk все медлил. Вышли провожающие во двор, оставили Егора Ильича одного в доме. Долго водил стариk глазами по стенам, словно хотел каждый сучок запомнить. А в углу, прижавшись, стояли Табурет со Скамеечкой. Увидел Егор Табурет, схватил его, к груди прижал, так с ним и вышел на крыльцо:

— Без него никуда не поеду.

Спорить было бесполезно, это Владимир знал еще с детства. Так и поехали они в чужие края — Егор Ильич и Табурет. Вот и

тоскуют теперь в городской квартире, никем не обожженные, на-
кормленные и ухоженные. Тоскуют каждый о своем, но об одном
и том же.

Осенью старик слег. Он перестал приходить по вечерам на кух-
ню, и Табурет неожиданно для себя заскрипел, пугая холодильник
и шкафчики.

Как-то утром Егор Ильич стал что-то просить у Елены. Невестка
поняла, что отец просит принести Табурет. Старик положил теплую
руку на крышку и стал невнятно шептать. «Прощаются», — догада-
лась Елена и деликатно вышла из комнаты. Рука старика похоло-
дела и перестала двигаться. Егор Ильич умер. А через секунду
Владимир и его жена услышали резкий хлопок — это треснула
крышка Табурета. Он тоже умер.

